

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 106 (1887)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья М. Артемьева «Имитационная демократия как постсоветская болезнь», опубликованная в «Независимой газете» № 241, 03 ноября 2020 года.

Вологда
ноябрь 2020

Имитационная демократия как постсоветская болезнь

К чему приводит наложение на архаичную социальную матрицу желания управляющих элит соблюдать внешние приличия

Спустя почти 30 лет после развала СССР и самоликвидации/запрета КПСС последние политические события в Киргизии и Украине представляют немало материала для размышлений относительно перспектив демократии на постсоветском пространстве – искомой цели всего перестроенного процесса.

Киргизию принято считать оазисом демократии посреди авторитарных режимов Средней Азии. В том, что ее развитие пошло не по типичному для региона пути, «виноват» целый ряд факторов. Тут и сама личность первого киргизского президента. Аскар Акаев не смог консолидировать власть в своих руках, все 15 лет он балансировал между кланами и прочими влиятельными силами, пока его неустойчивый режим не рухнул. Другой предпосылкой было упомянутое сильное клановое, точнее, земляческое самосознание. Упомянем также бедность страны ресурсами, не дающую верхам паразитировать на сырьевой ренте.

Соответственно наследие этих 15 лет не удалось преодолеть и Курманбеку Бакиеву, который вроде бы за пять лет сформировал крепкий режим, но именно в момент апофеоза и произошло его падение: то же самое, что случилось позже с Виктором Януковичем – бесплодная попытка привести к порядку страну, привыкшую к вольнице и внутренне расколотую и разобщенную, с влиятельными кланами.

После революции 2010 года в Киргизии была принята новая Конституция, которая должна была дать гарантии от повторения попыток узурпации власти. Президент отныне мог править только один срок, расширялись полномочия правительства и парламента. Роза Отунбаева, бывшая «президентом переходного периода», под чьим руководством и разрабатывался новый Основной закон, очень гордилась этим своим достижением. Но, увы, передовая Конституция не продержалась и 10 лет.

Совершенно пустяковый политический кризис вокруг нарушений на парламентских выборах привел к перезагрузке всей политической систе-

мы, и уже объявлено о начале работы над новой Конституцией. Вся конструкция, столь тщательно выстраиваемая, рухнула в одно мгновение. Народ овладел местным Белым домом, президент скрылся в неизвестном направлении и три дня не подавал признаков жизни, политические заключенные выпускались из тюрем, правопорядок на улицах обеспечивали «народные дружины» – читай, личное ополчение тех или иных политиканов. Находившийся еще утром в заключении Садыр Жапаров (и сидевший уже 3,5 года) вечером был премьер-министром.

Новейшая история Киргизии показательна своей «дурной повторяемостью», как бы выразились физики. Но нас в данном случае интересует: почему почти 30 лет «демократии» привели к столь неутешительному итогу? Отчего не сработала прогрессивная модель Конституции? Прежде чем ответить на этот вопрос, перенесемся на несколько тысяч километров западнее – в Украину, где 25 октября состоялись местные выборы.

Главным их итогом, интересующим нас в данном контексте, является не разгромное поражение партии Владимира Зеленского, а победа действующих мэров почти всех областных центров, причем нередко с результатом как в авторитарных странах – 85% у Владислава Атрошенко, мэра Чернигова. Причем практически все эти мэры – бизнесмены, начиная с Геннадия Кернеса в Харькове и заканчивая Андреем Садовым во Львове. Они за свою политическую деятельность поменяли немало партий, а на этих выборах мэры создали свою собственную – «Пропозиция».

Что же связывает Украину и Киргизию? Имитация демократических структур при общем недемократическом характере управления. На вполне архаичную матрицу повседневной жизни накладывается иностранный фасон псевдодемократии. Как определяли жизнь в Киргизии родовые и земляческие кланы – так они ее и определяют, и вся политическая борьба суть противоборство между ними, для чего и создаются к выборам «партии», столь тешащие глаз западным наблюдателям.

Аналогично и в Украине – как держалась власть в руках тех или иных олигархических группировок как в центре, так и на местах, так она и продолжает в них удерживаться, в том числе путем создания партий-однодневок. Бизнес выступает синонимом силы и власти, единственным источником активности. Напомню, что после «революции» 2014 года в правящие структуры не пришли ни оружейник Просперо, ни гимнаст Тибул. А пришли олигархи Порошенко, Коломойский, Немировский, Тарута и их прислужники наподобие Турчинова. Гражданское общество оказалось в пролете – как и после оранжевой революции 2004 года, когда тот же Порошенко делал власть с Юлией Тимошенко. Незапятнанные инженеры, программисты, врачи или крестьяне в министры не попали. Власть по-прежнему находится у глубоко коррумпированной элиты, которая выдвигает марионеток наподобие Владимира Зеленского, чтобы тот исполнял роль Порошенко-2. Дискредитирует себя он к концу президентского срока – подберут Порошенко-3, он же Зеленский-2. И действительно, политика нынешнего президента ничем принципиально не отличается от таковой у предшественника – например, в том же Донбассе.

Социальная матрица не меняется столетиями. Но политкорректность требует обязательной демократии здесь и сейчас, безо всякой мысли о том, пригодится ли она для данного общества. Сама постановка данного вопроса рассматривается как расизм, мол, все люди одинаковы, нельзя говорить, что кому-то демократия не подходит. В результате возникает политический строй, определяемый как псевдодемократия. Самым ярким

примером ее является Афганистан. После свержения режима талибов вместо того, чтобы вызвать живого еще на тот момент короля Захир-шаха и от его имени назначить править какого-нибудь сильного вождя, разыграли комедию «демократических выборов» во вполне еще средневековой стране. Разумеется, строй там держится на иностранных штыках и контролирует менее половины территории.

Подобные псевдодемократии установлены сегодня и в ряде постсоветских республик – Молдавии, Украине, Киргизии, Грузии, Армении. В этих странах нет институциональных предпосылок для реальной многопартийности, ибо нет осознания гражданами своих интересов, кроме разве что самых смутных, наподобие «вхождения в ЕС», нет соответствующей общественной морали. Но при этом есть желание как западных партнеров, так и управляющих элит и управляемых низов соблюдать политес, внешние формы и приличия.

Как показывает опыт Латинской Америки, псевдодемократия может длиться столетиями. Важнее другое – как тот или иной политический строй сказывается на благополучии населения? Эффективнее ли псевдодемократия обеспечивает увеличение средней продолжительности жизни? Делает ли лучше доступ к образованию, медицине, социальному обеспечению? Способствует ли более быстрому росту экономики – по сравнению, скажем, с имитационной демократией (РФ или Казахстан) или открыто авторитарной системой?

Максим Артемьев
к.п.н, историк, журналист